

Елена Лапина

Время слуха

* * *

В тиннитусе, шумящем, как волна,
где кромка — дна ли, дня — обнажена
и только шум дождя в сухом остатке,
там чуть притворена ли, заперта
спит розовая раковина рта
с музыкой звука, маскою зевка,
с недвижимым моллюском языка —
и сны его бесхитростны и сладки.
Пока шумит небесная вода,
насельник безо всякого стыда
не покидает известковой клетки —
хозяин, нерачительный вдвойне,
он истончает в мыслимой вине
округлую жемчужину таблетки.
И засыпает в этой глубине.
Но Слово жжёт, входящее извне...
Когда же наступает время слуха, —
исполнится, чего ни попроси, —
ты к створкам губ раскрытых поднеси
Всеслышащую раковину уха...

* * *

Бесмыслица лица, фарфоровая птичка.
Он на неё глядит — Профессор, у кого
прекрасный аппетит и вечная привычка
по длинному столу елозить рукавом.

Все капища его, родные пепелища,
все городища дней завёрстаны в одно.
И птичка для него — трепещущая пища —
пестрящее оно, пищащее пятно.

Лапина Елена Евгениевна — поэт. Родилась во Фрязине Московской области. Окончила экономический факультет Московского лесотехнического института. Публикуется с 2002 года. Автор четырех книг стихов. Лауреат многочисленных литературных конкурсов и премий.
Живет в Москве.

Он столько съел собак, что тяготится речью,
он мается крестцом и мочится в кровать.
А птичка метит в лоб, чтоб старческую гречу
[с лица не воду пить] по зёрнышку клевать.

Они ещё не врозь — смотрение, касанье.
Что странно чиграшу, то страшно старику.
Унылая пора, ещё одно сказанье:
последнее «прости» — последнее «ку-ку».

* * *

Герману Власову

Доедешь сумерками ранними
и окочуришься к семи
в дому, засиженном геранями,
с гранёным запахом зимы.

И ты сидишь на даче явочной,
где быта летнего черты,
среди мертвечины этой яблочной,
угольных веток черноты.

Кого не вывели, не вывели
[налей, и выпей, и налей], —
насельники вещей не вымерли
и наблюдают из щелей.

В потёмках брезжится прогалина,
от подоконника сквозит.
И ходит дерево поганое,
и в окна палкою грозит.

* * *

Встанем всяк пред Тобой во своём невеликом чину, —
наше щастье обещано и — вопреки — ощутимо.
Только, если оно не навечно, то, Отче, — к чему?
Погляди, в межполосье ростков боевая щетина.

И цветущий миндаль, и кузнечик в подоле травы
улыбаются нам сквозь костры и могильные рвы —

претерпевшим потери, чуму-нищету-вшивоту, —
кто Тобой не забыт, но в пути заплутал и забылся.
И шепотка песка ли, щекотка скользнёт к животу —
это камень за пазухой дрогнул и снова забился.

Будто мы и не жили, нас паводок не настигал,
ничего повреждённого, невосполнимого, злого.
Будто птица на ветке воспряла и Бог Нахтигаль
повторил от начала времён сокровенное Слово.